

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, д. э. н.

ЭТО НЕ КРИЗИС. ЭТО ДЕПРЕССИЯ!

Довольно неспешно разворачивающийся в настоящее время в России “конец халявы” вполне понятен, прозрачен и прост. Его осмысление способно вызвать затруднения либо у профессиональных пропагандистов (ибо не вполне соответствует лозунгам “Россия поднимается с колен” и “инновационной модернизации”), либо у жертв реформы образования, утративших в результате плодотворной учебы в вузах способность воспринимать и сопоставлять информацию.

Общая картина

Нынешний кризис принципиально отличается от 1998 года. Памятные большинству события десятилетней давности можно сравнить с мгновенным ударом – уже через месяц началось восстановление экономики. Нынешний – с длительным удушением, более напоминающим процессы начала 90-х годов.

Проблема в отсутствии источников роста – и не только в России, но и в мире. Исчерпанность обоих “моторов” развития США (“экспорт нестабильности” и безвозвратная ипотека) означает сваливание мировой экономики в депрессию. Поэтому и российская экономика, лишь нарастившая за период реформ и особенно за 2000-е годы зависимость от экспорта сырья, выйдет из наиболее острых кризисных шоков (вроде 18 сентября, когда страна стояла в 24 часах от штурма банков вкладчиками) не в рост, но в изнуряющую депрессию. Последняя будет мучительной, но не слишком долгой: она вызовет “детонацию” наших внутренних проблем (незащищенность собственности, тотальный произвол монополий, формирование в регионах разных хозяйственных и общественных моделей, массовая бедность, утрата трудовой мотивации, деградация инфраструктуры, человеческого капитала и государства) и сваливание страны в системный кризис – дестабилизацию всех значимых сфер общественной жизни.

Сжатие мирового спроса сокращает производства и резко уменьшает спрос на сырье, снижая не только цены на товары российского экспорта, но и потребность в них. Это означает сокращение практически всех производств, кроме удовлетворяющих первичные потребности (вроде основных и при этом простых в изготовлении видов продовольствия) и связанных с бережливостью (вроде ремонта одежды).

Российская экономика пройдет через несколько волн спада, которые будут последовательно прокатываться по основной части отраслей. Первая волна, идущая сейчас, вызвана сжатием спекулятивных операций, удорожанием и сокращением кредитов, отказом от планов наращивания производства: замораживаются даже почти готовые стройки, увольняется персонал, нанятый под новые проекты. Сокращение доходов населения сокращает производст-

во, ориентированное на продолжение роста этих доходов, – от автомобилестроения до некоммерческих проектов, осуществлявшихся богатыми людьми “для души” (от ресторанов, где никто не обедал, магазинов, где никто не покупал, и журналов, которые никто не читал, до общественных движений).

Поднимается вторая волна – из-за сокращения экспортных доходов.

На очереди третья волна – связанная с сокращением бюджетных доходов. Аналитики учитывают лишь последствия падения цены на нефть и замедления роста до официально признаваемых 5,5%. На самом деле этот уровень недостижим: если в 2009 году удастся избежать спада, это уже будет феерическая удача. Сокращение доходов бюджета сократится и из-за снижения собираемости налогов.

Помимо описанных трех волн, спрос будет постоянно “съедаться” растущей из-за монополизма инфляцией.

Сокращение спроса в отсутствие действенной поддержки государства будет “выкашивать” предприятия, а каждое сокращение производства означает дополнительное – и неравномерное по отраслям и регионам – сжатие спроса и новые банкротства, каждое из которых способствует новому сокращению производств.

Ситуация будет усугублена политикой Кудрина – Игнатъева, создавшей в стране искусственный дефицит денег за счет вывода государственных активов в банковские системы Запада. Из-за глобального финансового кризиса западные банки перестали давать нам в кредит наши же деньги – и это многократно усугубляет сжатие спроса, вызванное вползанием мировой экономики в депрессию.

В результате экономика уже начала, как в водоворот, затягиваться в спираль деградации, в которой вызванное сжатием спроса сокращение производства обуславливает новое сжатие – и новый производственный спад. Именно так развивалась в США Великая Депрессия.

Единственный выход из нее, нащупанный Рузвельтом и обоснованный Кейнсом, – поддержание необходимого экономике уровня спроса за счет наращивания государственных расходов и рефинансирования экономики Центральным банком. Однако отсутствие финансового контроля (который политически невозможен, так как поневоле ограничит коррупцию – основу государственного строя, созданного в России в 2000-е годы) направит расходы государства не на поддержку экономики, а на спекулятивные рынки, в первую очередь – валютный. Результат – ослабление рубля, что ускорит инфляцию (а следовательно, и сжатие реального спроса) и усилит дезорганизацию экономики.

Ситуация будет усугублена энергичными действиями различных клептократических группировок, использующих кризис для захвата чужой собственности. Алчность и безграмотность не дадут им понять, что сегодняшние активы России не имеют ясной перспективы: захваченный завод не будет давать прибыль за счет наращивания производства в ходе импортозамещения, как в 1999-м и начале 2000-х годов, но столкнется с огромными трудностями со сбытом, как в начале 90-х. В результате передел собственности дезорганизует экономику не только сам по себе, но и в силу того, что значительная часть активов будет захватываться у менеджеров, приобретших за последние годы навыки управления коррумпированными чиновниками, даже не задумывающимися о необходимости управлять собственностью и способными лишь разворовывать ее. Они думают, что захватывают будущее богатство, – а сами захватывают будущие проблемы. Но работающим на захватываемых предприятиях от этого не легче.

Социальные последствия

“Средний класс” размывается с прошлой осени, когда вызванная монопольными злоупотреблениями и удорожанием кредита инфляция вышла из-под контроля правительства. Так, по данным центра Левады, в октябре 2008 года 8% населения испытывало нехватку денег на покупку еды (то есть были нищими), а еще 77% испытывали нехватку денег на покупку простой бытовой техники (то есть были бедными). Доля же россиян с уровнем потребления среднего класса (испытывающих нехватку денег для покупки автомобиля, но не простой бытовой техники) сократилась с октября 2007 по октябрь 2008 года с 17 до 15%.

По данным маркетологов, включающих в категорию лиц с уровнем потребления среднего класса тех, кому оно доступно лишь на основе потребительского кредитования, доля этой категории в общей численности населения России сократилась с мая 2007 по май 2008 года с 25 до 18%.

В первой половине 2008 года, еще до перехода кризиса в острую фазу, реальные доходы населения, по официальной статистике, снизились в 6 регионах России, в том числе и в Москве.

Даже в структурах, которые выстоят в кризисе, вероятно снижение доходов работников – как в виде прямого сокращения выплат в связи с кризисной ситуацией, так и неявного урезания соцпакетов, льгот и бонусов. Ухудшение экономического климата ударит по деловой активности в целом, что сократит возможности дополнительных заработков, пока еще весьма широких в крупных городах.

В этих условиях неизбежно обострение сепаратистских тенденций, причем не только в национальных республиках (Северного Кавказа, в Татарии, Башкирии, Якутии и Тыве), но и в Сибири, в первую очередь, на юге Западной Сибири.

Важный фактор – психологическая неустойчивость относительно молодой (до 35 лет) части современных работников, не имеющей опыта падения в кризис либо уже забывшей его (так как молодежь психологически легче переносит увольнение и быстрее находит работу). “Непадавшее поколение”, не имея опыта выживания во внезапно ухудшившихся и кажущихся беспросветными условиях, будет впадать в отчаяние, цепенеть и спиваться так же, как 40–50-летние мужчины – в начале 90-х годов.

Рассмотрим коротко последствия кризиса для основных социальных страт нашего общества.

Пенсионеры и бюджетники: опережающий рост цен

При любых обстоятельствах государству придется выполнять обязательства, взятые по повышению пенсий и зарплат бюджетников. Однако рост цен будет гарантированно “съедать” скудные прибавки; при этом быстрее всего будут дорожать именно то, от чего нельзя отказаться – услуги ЖКХ и лекарства.

Социальные льготы, предоставляемые за счет региональных и местных бюджетов, будут хаотично и судорожно свертываться, – по мере того, как основная часть этих бюджетов будет сталкиваться с сокращением доходной части в условиях отказа федерального центра от соответствующего увеличения масштабов помощи.

В ряде случаев сокращение льгот будет делать жизнь невыносимой; так, отмена транспортных льгот уже вызвала в Барнауле многочасовые перекрытия пенсионерами центральной части города, причем ни мэр, ни губернатор, ни милиция не предпринимали попыток разогнать пенсионеров, – вероятно, понимая в глубине души их правоту.

“Офисный планктон”: расставание с детством

Первый удар кризиса уже пришелся по компаниям, связанным с финансовым рынком, многочисленными некоммерческими проектами, компаниями, ориентированными на рост спроса. Так, некоторые медиа-холдинги еще в сентябре уволили две трети своих сотрудников.

Под ударом оказались также компании, не имеющие собственных активов и живущие за счет постоянного перекредитования (прежде всего, торговые сети, риэлторские компании, часть агро- и транспортного бизнеса, особенно авиаперевозок).

В первую очередь, сокращается непомерно раздутый персонал, обслуживающий производственный процесс: управленцы и рекламщики. На рынке труда уже появились феерические предложения – например, многолетний управляющий делами авиакомпании (понятно, что маленькой), согласный идти работать офис-менеджером за 25 тыс. рублей!

Теряющие работу офисные работники в основном сосредоточены в крупных городах, где смогут найти себе новые места, – но значительно худшие по

условиям и намного хуже оплачиваемые. Они не лишатся средств к существованию совсем, но их концентрация в центрах деловой активности весьма существенно ухудшит самочувствие общества. Части из них придется перестать быть “белыми воротничками” и в лучшем случае начать “бомбить” на своих машинах, а в худшем – бороться с гастарбайтерами за места дворников.

Основная часть офисных работников имеет сбережения, которые позволят им протянуть некоторое время, и первоначально будет пытаться сохранить прежний уровень текущего потребления. Однако отсутствие перспектив будет вынуждать их все жестче и все безысходней экономить на текущем потреблении.

Ключевая проблема этой категории людей, помимо резкого падения социального статуса, – огромные потребительские кредиты под существенные проценты, бездумно набранные в последние годы на самые мелкие и нелепые цели. Не просто потеря работы, не просто сокращение доходов, но даже простой рост расходов из-за увеличения цен резко усиливает гнет регулярных выплат и непропорционально сильно сжимает текущее потребление.

При этом психику офисных работников в наибольшей степени подтачивают разнообразными страхами, естественные в условиях кризиса: от потери работы до банкротства банка, в котором лежат сбережения.

Рабочие: безысходность

Рост стоимости кредита до 21–23% лишает возможности развития и даже поддержания производства, так как, в отличие от середины 90-х, подобная рентабельность (с учетом коррупции) является непосильной для основной массы производителей. Без кредита средний бизнес, не могущий рассчитывать на государственные деньги, обречен на закрытие; с кредитом – на банкротство или, в лучшем случае, на длительную долговую кабалу, лишаящую его всяких надежд на развитие.

Сокращение производства означает рост безработицы. Уже сейчас по всей стране под крики официальной пропаганды о недопустимости “разжигания паники” предприятия переводятся на четырех-, а то и трехдневную рабочую неделю. Непрерывные производства (например, коксохимические комбинаты) предельно растягивают технологический цикл, чтобы сократить выпуск потевшей спрос продукции. Ужесточение ценовой конкуренции заставляет работодателей сокращать издержки, в первую очередь – зарплату бесправных рабочих (стоит напомнить, что Трудовой кодекс лишает их даже права проводить забастовки без предварительного согласия работодателя).

В целом ряде случаев сокращаемые рабочие, несмотря на сохраняющуюся общую нехватку рабочих рук, гарантированно не смогут найти новую работу и практически лишаются средств к существованию. Это касается, в первую очередь, даже не гастарбайтеров (массового увольнения которых и, соответственно, разгула преступности пока удастся избежать за счёт огромной и расточительной поддержки строительного комплекса), а занятых на градообразующих предприятиях.

Так, ОАО “Новатэк”, добывающее газ в Ямало-Ненецком округе, объявило о 20% сокращении занятых к середине 2009 года, причем в отдельных дочерних предприятиях (например, “Таркосаленефтегаз”), сокращение достигнет 50%. В условиях Крайнего Севера люди не смогут найти себе другую работу, не смогут уехать (зарплата рабочего при северных ценах не позволяет делать значимых накоплений) и, соответственно, будут лишены средств к существованию. Помимо прочего, это означает отключение тепла и света за неуплату и выбрасывание значительной части их семей на улицу уже следующей зимой.

Крестьяне: к натуральному хозяйству

Огромный урожай опять стал бедствием: государство, подыгрывая спекулянтам, не препятствует падению цен на зерно до уровня, не позволяющего вернуть кредиты. Соответственно, крестьянские хозяйства оказываются на грани разорения; при этом перекупщики, привыкшие жить за счет перекредитования, из-за удорожания и сокращения кредитов также не могут скупить зерно, хотя бы для того, чтобы оно не испортилось вне элеваторов.

Животноводство в значительной степени также не может вернуть кредиты, даже несмотря на обещанное сдерживание импорта (производственные проекты финансировались рядом последовательно получаемых и возвращаемых кредитов; прекращение или удорожание кредитования не дает вернуть промежуточные кредиты, сжатие спроса — завершающие).

Результат — резкое замедление роста сельхозпроизводства в целом из-за переориентации части хозяйств на обеспечение нужд своих работников, то есть, по сути дела, возврата к натуральному хозяйству.

Малый и средний бизнес: “из-под глыб”

В начале 90-х годов колоссальное социальное напряжение снималось за счет массового и практически полностью свободного развития малого бизнеса. Однако сегодня малый бизнес раздавлен административным, а часто и коррупционным контролем бюрократии и потому не способен адаптировать значимую часть высвобождающегося населения.

Тем не менее, он наиболее устойчив в кризисе — с одной стороны, из-за максимально интенсивной эксплуатации (в том числе самоэксплуатации), некапиталоемкости, оборачиваемой гибкостью, с другой, из-за малой доступности кредитов, оборачиваемой относительным финансовым здоровьем.

Малый и средний бизнес жестоко страдают из-за неплатежеспособности банков (ибо их средства, в отличие от депозитов населения, не застрахованы и уже “горят”). Однако свертывание перекредитованного федерального бизнеса открывает для них качественно новые возможности — и не только в торговле (хотя, в первую очередь, в ней), — но и во многих других сферах.

* * *

В целом обозримые социальные последствия развертывающегося в России социально-экономического кризиса вызывают в памяти не 1998 год, но рубеж 80–90-х годов. Мы находимся лишь в начале грандиозных и крайне болезненных социальных катаклизмов, вызванных не столько объективными обстоятельствами, сколько неэффективностью государства.